Михаил Богатов
Лолита в Греции

Художественная серия
“Поэты Саратова”

Издание выходит при поддержке
благотворительного фонда

“Милосердие”
и
неформализованного содружества

“Новые писатели России”

Литературный клуб “ДЕБЮТ”, г. Саратов
2009

Вступление

I. Последний трагик Эллады

**Памф говорит многомудрый, Олен речет окозрящий
Гомер лиру сложил. Молчит. Павсаний от смеха дохнет.
В Аркадии помнят еще. В Ахейе великой помнят.
А кто-то уже забыл.**

**Асклепий лежит в горячке и бредит зовет отца
папа ответь на загадку скорее папа скажи
можно ли кудри свои от тебя золотые
отдать под брадобрея ножи
Аполлон смущен мальчик болен
и кивает безмолвно на бред
что молчишь восклицает сын беспокойно
неужели нельзя
отвечает отец муз повелитель
конечно мой мальчик
нет
Асклепию день за днем хуже
олимпийцы рождают в смятеньи
оптимизм из молчания муз
и Зевс поправляя картуз
привет оптимизм
трагично так говорит
с днем твоего рожденья**

**однажды утром крик сына
солнца мне света сюда
Аполлон был в афинском театре
глина маски лопнула напополам
шизофрения шизофрения
радуются зрители
хор лежит у подножия схены
спит
навсегда
Аполлон кричит на воздух на воздух
рвёт у лиры своей струну
режет горло трагику Еврипиду
меняет на лук свою лиру
и объявляет войну**

**из рваного горла последнего трагика
великой Эллады
вытекают три меры не успевшего**

до желудка добраться
оптимистического
яда

и еще Гомер добавляет в конце
когда все кто слушал пьяны и спят
в мире богов всё бывает
но того что бывает людям
больше чем не хватает
даже эту нехватку им не вместить
брадобрей остается загадкой
которой навеки быть
и кстати Асклепий
всегда умирает

ОЛИМПИРИКА

Блистающий винный игривый Олимп
близит себя к закату
в сумерках Вакха Гомер различит
и споёт о нем кому надо
а затем наступает бесцветная ночь
из которой рождается космос
что творит этот хаос
не различить
если честно конечно же
различить
только как-то сделать
непросто
а наутро заря скандинавских лесов
и монгольских равнинных степей
вот последний наследник Энея
странный
месье Nabokoff
глядит
подставив к глазам ладонь
ищет олимпы гор
не находит и злится
краснеет
у него вместо трости молот
и мертвец из Пёстрой Коровы
стилизатор взращенного слова
в свете великого полдня
последний потомок Энея
из Ахейи
в Аркадию
путь
прямиком через вэй Калифорный
где на солнце плавится дух
в ртуть
и в кости вплавляют оковы

III. Восторг

Проходите на казнь. Вы не в первый?
На дисконт гильотине проценты,
скинем голову Вашу задаром.
Все заняли, в портере нет места.
Вы хотели смотреть? Упиваться пожаром?
То не Рим. Даже и не Москва.
Это Ваша душа не воскреснет при всех.
Посмотрите сюда: до чего хороша!
Что за душа! И какой на ней грех!
Черный и круглый, размером с ребенка.
Крутится, вертится, хочет упасть:
черти возьмите ж скорей ту душонку,
зритель! глумись над сей сукою всласть.
По гнилому иди эшафота помосту
прямо к залу – еще на аншлаг.
Там сидят безбилетные, прямо с погоста
все во фраках снаружи, внутри – кое-как.
В зале курят.
Чертовски скверной нынче театр.
И к тому же актеры на раз.
Но пьесу свою играют что надо.
За нее голосуют.
И сливают восторг в унитаз.

Детский смех без утех, палач бьет без забот,
глаз с орбиты летит в оркестровую яму.
Там сидят музыканты и лабают джаз
среди бывших актрис бездыханных.

IV. Львы

Ариадна пошутила, думает Тесей,
но надежда еще остается…
вертит в руках тканевый шар, осторожно так вертит
боится порвётся
сунула впотьмах зловонного мрака не нить, а узел
спутала миф, чёрт побери, как же теперь всё будет…
смешаны вновь кости Эона, дитя Гераклита плачет
берег безлюдный скалистый Наксоса ждет
долго ждет
неудачно
в довольной и сытой ухмылке пьяненного Минотавра
нет даже намёка на прошлое время
когда бык застал дурака с верёвкой и встал изумлённый
встал осторожно рядом
вертелся клубок, не клубок, а узел
в руках потных, дыхание спёрто
неужели можно желать так распутать
когда один в темноте Лабиринта
бык изумлен
беспокоен
напуган
и стоял ждал кого-то
но никто не явился
а где-то вдовой старилась Ариадна
волны лизали скалистый Наксос...
юноша, в льва превращённый
так и остался в зверином обличье:
бездетный
безжённый
у эллинов нет вина
без праздников жатв виноградных осталась Зевса страна
охотник ретивый шкуру сдирает
со странного жёлтого льва
льва того звали Дионис, ему глаголет молва
он усмехается: как же, если и звали Дионис
то это было вчера…
остановился Тесей: недоумения узел
никто не разрубит, увы
простите ее, Ариадну, простите ее злые люди
не в шутку она, от волненья: смотрите-смотрите
вино пускают по кругу и плачут
странные жёлтые львы

V. Пасынки Мифа

не лазь сюда не то — убьёт
здесь киник злой живёт
смотри хвостом как шевелит
его хозяева на *пир* не позовут
он кость грызет и говорит
меня зовите *Гераклит*

потом уйдёт зима эпоха отрицаний
весь смысл которой был в том чтобы просто не
да
с крыши упадёт вершиной агрегатных состояний
осколком льда выстленный путь весне
в руке заката вен натянутые струны
аэд ты снова слеп для этого тепла
смотри на древе Один швыряет в небо руны
возьми их ветер все лишь мёд оставьте нам
вот
взятка поэзии
за временность тела
древесных стволов свежий спил
тошнит этим небом и рвёт этим небом
в который уже три два раз
да не в первый боюсь даже и не в последний
чего уж бояться
от неба есть стрелы
язык станет им тетивой
я лгу
как Овидий меняя три шкуры
как будто бы есть в этом смысл
чтоб снова встречаться с весной
бессонницей жара пригрезится слово
сказавших у нас тут учёт
не влазий друг Блум
поверь мне
тебя не полюбят и может быть к счастью убьёт
идите же к чёрту иль лучше
в чертоги древесной и срытой богами Вальгаллы
пасынки мифа вас сын ваш Эдип давно уже ждёт
не ведая даже зачем
на западе кстати ковбойская шляпа заката
вновь обещает эпох отрицанья
тупой
механический
переворот

проклятый Прокл за полтину Плот*и*на
выкупил счастье
<загробное б/у но в отличном состоянии,
сам бы пользовался да помирать не собираюсь>
у тогда еще не Блаженного
но зато уже вполне у Августина
хотя тот не желал торговаться
<а потому кривил душой и прямил телом>
а просто в добрые руки отдать
или недобрым <читай: порочным>
рукам отдаться
<ради неподобающего ни святым ни блаженным дела>
но рук не было вовсе
а только злые <читай: тупые> языки
и загробное счастье куплено <читай: продано>
и за гробом шли тогда пятеро
и счастливы были все пятеро
просто за гробом идя
<хотя и понурившись для приличия>
это и есть наше счастье загробное
молвил Андроник из Родоса
<его к тому времени скрыла земля>
а те
пришедшие с другой стороны гроба
<читай: вновь рожденные>
счастье загробное вовсе утратили
так то ж их одних бедолаг беда
да
жаль вот
что тело проклятого Прокла
<как-то не по христиански вышло>
<так ему язычнику и надо>
сожгли навсегда
а то мы бы подивились на того
кто счастье за гробом купил
да
жаль вот
полтину Плот*и*на
<блаженный к тому времени> Августин
в саду Гефсиманском зарыл
<в ту бытность еще не зализанный
до небытия языками злыми
на три четверти ставшими
чуть позже святыми>
навеки присно и поныне
жаль что вообще за гробом кто-то там был
кто-то

и что-то задолго до нас с этим миром творил
жаль его <праведный искренний творческий>
пыл
или не жаль
оставим
речи той скорбной
наветы
сегодня
и Прокл и Августин и
даже вновь обзаведшийся
<свежеотпечатанными с изображениями
великих людей Европы
богини языческой римской>
евро Плотин
в нарядах французских денди
вместе
плюя на обеты
как ни в чем ни бывало
выходят к праздничному
обеду

бери эту дудку
играй этим крысам
выводи из Аида на солнечный свет
если будет час пик
подожди
в центре зала
и затем непременно наверх
в это время в какой-то своей кутюрьме
языком по бумаге водя
некий мАркиз Эс Эс имя жЮстины жрал
на корючки архонтов меняя
где невинность была
там теперь вся бледна
еврей дико глядит не мигая
как сказал бы ДэВэ
перепутав слова:
никакая она
никакая

Стиксу вспоровши брюхо, переплыли мы реку вспять. Остается лишь эскалатор. Бери скорее за руку, будем вместе на свет. Выезжать. Не смотри назад, там лишь птицы говорят на своем языке. Те, что жрут лишь падаль; им снится труп Орфея в прибрежном песке. Эвридика у нас нынче горе: у тебя умерла там мать. Ну а я, одновременно странно смог жену, неслучайно конечно, навсегда как ты маму наверно, безвозвратно свою потерять. Нас с тобой повязали боги, сплавив души в мрачный Аид. Знаешь, милая Эвридика, что с тобою отныне и присно лишь Орфей один говорит? Шум метро, переедущий души. Машинист Харон снова мёртв. Ты меня держись, во всем слушай – и смотри ты только вперед. Там нас ждут очень странные страны: штаты пьяных ковбоев, ковгёрлов. Ковмены, коввумены там… Эвридике птицы зовутся, и на птичьем своём языке с ней о чем-то её говорят. Призывают вернуться назад. Приглашают в свой рейсовый ад. Эвридика! я ныне убийца. Эвридика! не надо! Не надо. Эвридика! держись и не слушай. Эвридика! чему ты так рада? Эвридика, ты видишь все лица, что навстречу нам вниз беспрестанно будут катиться — в их глазах пляшет пламенем ада эта странная чёрная птица.

Не смотри. Не надо. Не надо.

Эскалатор приехал и встал.

На ступени, что верхнею стала, Орфей-победитель Аида,
Орфей-птицелов и насмешник лишь перо странной
страшной птицы крепко сжатой рукой. Держал.
Орфей-победитель Аида, Орфей-птицелов и насмешник
видел в этом пере черной птицы лишь слово. Убийца.
Орфей—победитель.

И словоубийца.

VIII. Постель богов

Там уже случилось непоправимое
полено брошено в костер и горит
Гера терзает зрачок левого глаза
Зевс ты не прав Зевс ты не прав
небожитель не слушает вздорную бабу
небожитель молчит небожитель молчит
лбами уперлись бог и богиня
под ними журчат и тянут экстазы
если долго смотреть вниз стремглав
верх обратит внимание на тебя
всего и сразу

кудри Зевеса и светлые волосы Геры
спутались в узелки склеились потом
схватились друг другу в плечи
внизу безымянная бездна
смотрит молчит
смотрит молчит
смотрит молчит
смотрит молчит
видимо ждет
невидимо ждет
когда из них первый в нее упадет

это не дело молвила Гера
зато это тело молвил Зевес
у меня за плечами своды небес
у меня под ногами горы и море
Гера смеется ему прямо в лицо
ей это известно
ей это известно –
и чё?
у нее за плечами горе и моры
а под ногами своды небес
я буду первым крикнули оба
сорвалися в бездну безместно
вместе друг с другом
или же без

неинтересно неинтересно
вскричали зеленые недоакмэ
что же на небе богам уже тесно?
тогда как же просторно нам на земле!
неинтересно неинтересно
изгнать за пределы полиса враз
богам не позволим падение в бездну
только впаденье в Сизифов экстаз

неинтересно неинтересно
и все же и все же скажи ну скажи
боги не спят ведь друг с другом?
наверно
ничто не взрывало Олимп как кровать
бездна кровати – кроватью для бездны
станет богам если верить поэтам
которые любят богов изолгать

IX. Аризона

Не хочу отныне и присно
видеть муть горизонта
штата с названием Аризона.
Умер даже не Пан и не Бог
(бог-то кстати, снова воскрес):
Гумберт Гумберт неслышно ушел
туда, где не взять свою Ло.
У Гумберта нет Я,
говорит мне верховный судья
и тычет пальцем в бумагу:
Ваш Гумберт есть полное Г,
у Гумберта — ум, у Гумберта — Барт,
и потому конотат, но у Гумберта нету я…
Но уж нет, искривляюсь: херня!
Нет и не было никакого Гумберта
был только всегда я, я и я!
Сверни свой язык в свиток присяжных
столь сладострастный судья:
Гумберта больше нет,
для Гумберта бедного вырыта
неродная вся в звездах земля.
Наважденье ушло вместе с детским:
пусть и Ло отправляется в ад.
Если судьям процесс интересен,
вот вам дача камней показанья:
никогда, никогда глупый Гумберт
не вернется к Лолите назад.
Извините все десять столетий,
что прожил рядом с маленькой Ло.
Если где-то и есть в мире дети,
то теперь видеть их… Ни за что.
Потерпи мой нелестный английский,
хоть ты мне совсем ни к чему:
мой вердикт безъязык и понятен
даже черту, тому что занял
все места для чертьих поцелуев
в предпоследнем ада ряду.
Запаситесь попкорном из серы,
голливуд рухнет прямо под вами:
Гумберт-Гумберт сегодня уехал
Санта-Клауса впрягши в сани.
У Гумберта был бы Гум,
у Гумберта был бы Ум,
и хоть Гумберт для судей и Г
Берегитесь Барты закона:
Гумберт выбил вам грязные окна
он собой выбил грязные окна

и его пьяной Ло не вернуть,
даже если и смыть с нее шлюхи грязь…
Осторожно не срежь себе глаз,
когда будешь смотреть слеповато
в Аризонскую блядскую муть.
Даже маленькой Ло его не вернуть.

И никакого Александра Ивановича уже не было.

X. Эдипова мама

Персы познали истину
и продали в рабство Платона,
любители демократии скупили Платона оптом;
риторическим разнообразием
сомнительного пьяного сорта
был даден ход мифу о радостях
граждан афинских оплота;
пришел иудей с талмудом, пора? спрашивает,
ему отвечают: рано;
пришли богословы Сорбонны,
известные еретическими настроениями,
тащат в телеге с мулом свои тяжеленные суммы
сплошь в онто-теологических построениях,
афиняне молвили вновь: нет, и отправили восвояси,
даже когда самый толстый Фома
сплясал макарену в рясе;
пришел по линейке француз с варварскою латынью,
вердикт одноцветный камней гласил:
рано, Рене, не ныне…
Афинский день на закате, симпозиум пьет вино…
Приходит Фрейд с Эдиповой мамой,
Платон бьет в ладоши в восторге:
Товарищи, други, гетеры!
а вот это — самое то.

XI. Эвридика

**Чтоб из Аида ее извлечь
мне
каждой шлюхе адской
приходилось петь
и пророчить лиру развратом
про себя повторяя
еще немного
чуть-чуть
так надо**

**Отец мне этого никогда не простит:
приглашением легких муз
соблазнять мертвых блядей ада**

**Отец, иначе мне будет не жизнь, —
мелодия арфы в слизь возбужденья
скользит
прости меня,
любящий папа**

**Эвридика
шепчу
Эвридика
сквозь терпенье мертвящих страсть тел
я найду тебя платой скончанья
той любви
в экстазе которой
тебя поверх них я спел**

**С каждым вздохом страстного крика
похищают имя твое
и стирают за буквой букву —
те, которым дарю наслажденье
чтоб обречь тебя в извлеченье
непроглядного ада вдвоем**

**И когда я тебя обретаю
в венерическом кружеве муз
я припомнить тебя забываю
гнева отчего света страшусь,
но остаться с адскою бабой,
что тебя охраняет — не в жизнь:
заражен бегством сквозь мраки ада
я ищу твоего имени
слово
отзвучи же собой
назовись**

Красная Шапочка в место греко-персидских войн
пришла
и так говорила:
дедушка Геродот, дедушка Геродот
расскажи расскажи
в чем твоя сила?
Я видела как меж трупов сидит
дедушка Фукидид
из Афин
но он ничегошеньки не говорит
а просто сидит
кретин

Что тебе нужно здесь
маленькая Вальгалла?
ей отвечал Геродот
посмотри сколько мужей великих навеки лежит
неужели этого мало?
Как твои папа и мама тебя отпустили к грекам?

Отвечала Красная Шапочка
это мой дедушка Винкель, которой был человеком
а мой папа Шарль весёлый мертвец
вырыл себе ров
тучный и полный улиток
мои крестные два брата балбеса Гримм
не знали блеска Олимпа

а я из лесов
за мной гонится волк
он жрет мою бабку веками
дедушка Геродот дедушка Геродот
что же дальше-то будет с нами?
в наших лесах где нет ваших гор
где вино заменили на пиво
там не Зевс, там Один один сидит…

прервал Геродот: то не диво

А еще, добрый дед, там открыта страна
с пирамидами Пифагора
Геродот Геродот побежали туда
в мрачный лес европейского сора
то что пишешь ты бред
ничего того нет
там никто тебе уж не верит

добрый дед Геродот
Геродот добрый дед
там нас вместе съедят мои звери

уж поднялся старик и на трупы взглянул
тут же снова на камнь опустился
оставайся со мной молвил ей старый плут
я теперь как и ты
я сегодня уже покрестился

и поднялися полчища мертвых сынов
зазвенели броней и костями
старый черт Геродот старый черт Геродот
как ты мог поступить
так с нами?

вот ты видишь лолитка сказал Геродот
и погладил ее по колену
сила наша не в них что легли а во мне
что они нетленны

сняла Белоснежка Красную Шапку
и бросила в месиво трупов
старик Геродот L&M закурил
и вздохнул

всем сейчас трудно

Башенный кран, безбашенные трубы.
Завтрак цыган, пожирающих трупы
С грязи. *Полей*. Намёки на мыло.
Это всё было. Это всё было.
Им улыбаюсь беспечной селёдкой:
Мисс *голодна*? Тогда *выпейте водки*.

XIV. Италия

ложатся карты в никуда
мои
все
до последней
и у меня нет ничего
чтоб снова все начать
бежать
не идея
и даже не мысль
а так
закуток забытья
играть невозможно
в нем спрятался я
руки пусты
и ничто
в рукавах
в голове
в небесах
противнику даже хуже
у
него
совсем
нету карт
мы вместе
в одной сидим
луже
я
проигравший
и он
не игравший
за кромкою
жизни
зеленой
в Италии
волн
солёных
без цели
но
у стола

XV. Представление

Сегодня представление Эдипа
сыграет в неантичный черный ящик
неведомая эллинская сила
пусть ведает страданьем настоящим
что будет
если Эдипу
выпадет рок иначе
и ради дочери папы
женит себя на матери
чтоб наудачу убить неудачу
возьмет он в дочери дочь
которой не он отец
на ситроене зеленом умчит в канзасскую степь
Эдип любит литературу и носит строгий костюм
глядит с обожаньем на эту находку
с жвачкой во рту
маленькую дуру
и amore ergo **даст** sum

хватит-хватит!
разбита подкова
счастье аттики вылито в грязь —

если камни научаться помнить снова
тогда пусть Эдип царь Фиванский
отправляется жить в Канзас

а пока США закрыты
и Колумба отец не пьян
не про нас этот стих
монолог-диатриба

зритель зол
наливает вино
он Софоклу
в
из глины
стакан

XVI. Руно Атлантиды

а за спиной распластались земли чужих поцелуев
и за спину гвоздями цеплялись
и плоть рвали в клочья
и раздували в ветрах
они вышли искать золото
или руно из золота
а нашли Атлантиду
в иссохших песках
где ноль на песочных часах
где с планеты на солнце песок изливается
и за воздух гвоздями цепляется
чтоб хоть на миг удержаться
но там
где нельзя уж сдержаться
мгновенье сменяет мгновенье
и жизнь превращается в страх

и мы думали будет вечность
спокойствия в бодрой неге
а оказалось все даже
вроде бы наоборот
и пожинаем бессилье
и пожираем бессилье
а как же иначе могло быть
что посеешь то и сожрешь

под крики дельфинов и чаек
наш мир с тобой был случаен
и наше счастье абсурдно
солнечным светом для всех на земле
нарисовало утро
и зачеркнуло краски
белым куском холста
и Атлантида исчезла
как будто бы навсегда

я смерти не видел в лицо
я подставлял ей спину
и будучи не Орфеем
не обернулся на зов
а что же ей
этой смерти
этой безродной скотине
ей хоть лицом хоть жопой
лишь бы ты был не готов
лишь бы уста возжелали
хоть одного поцелуя

из губ чужих умолчаний
и смехов глумливых подруг
лишь бы томилось томленье
лишь бы скучалось скучанье
лишь бы песчаной волною
не окатило
вечную Атлантиду
построенную на глубинах
страстных вод океана
не окатило
вдруг

***а вдруг* взяло**
окатило
вот и вышло так мило
как тысячами комариных
смерть не одна
миллион

мы погружались на воздух
мы тонули в поверхность
мы это те же они
которым странный приснился
в котором они это мы
сон

XVII. Катакомбы

**Глаголил он что царство
оправданье королю
пустует трон когда
заместо
царства
стадо
и коли быть тому
от трона отойду
чему не миновать
кому перечить надо**

**лихо в усмешке таилось
отсутствия праведный гнев
Эллада
ты мне не снилась
лишь Европы разинутый
зев**

**в языческих катакомбах
он пил с чужаками вино
в рабов поношенных робах
чтоб быть с царем заодно**

**каменьев пики нещадно
разрезали кожу в лоскут
голубая кровь
уходит сквозь пальцы
в песок досад
но
прямо тут прямо тут
как скот стада дети
издохнут
и лишь некоторые
умрут
иному не быть
тут
и еще он когда-нибудь скажет
что в итоге все люди мрут
но боги
людей
раньше
исчезают в забвении
тут**

XVIII. Маркиз Гериберт фон Вильмен

Пока карнавала манящая жуть ему говорила
пихала в глотку памяти чтобы она подавилась
и сдохла забудь
старая нянька стелила постель и слуга Фердинанд
срывался с петель

хозяин хозяин она умерла
твоя благочестная Мон
моранси
жена
хозяин хозяин
это было давно
говорит Фердинанд
и смотрит в окно

а за окном римская ночь и Калигула ищет огня
маркиз обнимает красотку и шепчет как юноша
хочешь меня?
она не краснеет и взгляд не таит
маркиз старый злится
ты блядь тихо ей говорит
и ищет другую
чтоб с ней

крови вар
варских
племен
made in Rome
напиться

какое безумие надо бежать
бежать отсюда рвать когти
выворачивать душу сыграть
в ящик
чтобы этого больше
не слушать не слушать

своротить себе шею
чтобы не мочь обернуться
бежать бежать так
чтоб не вернуться

на пустынной дороге в лесу
откромсать себе ржавчиной ноги
сделать из них колбасу
и отдать сбежавшему с дома псу
такому же беглецу

все равно подыхать
так
пусть
ест
а самому ползти вперед пока
не надоест

ночь пьяная землю качает встречает
маркиза слуга
помните помните Ваша жена?
маркиз его прерывает
дух ее был пленен
и врач был хитрый прохвост
игральщик умерших душ
попросту шарлатан

входит
в дом
света
в нем
нет

дочери комната мрачно пуста
слуга восклицает
вот

это вот означает
не как всегда

XIX. Насквозь

приглашаю насквозь там уютно
только сколько на этой сквози
а за сквозью затемье замутно
сверху сбоку и в сквозь впереди
перевернутый йыта унревер
еп и что там еще не собрать
мир ведь вовсе не мир без людей
и не мир где поляна и клевер
идиллический ад не под стать
вскрыта челорепная коробка
где на нервах играют в глаза
из нее льется музыка робко
то ли музыка то ли слеза
то ли боли вспороли заушье
роли моли изъедены всласть
голова на Туринских высотах
на земле возлежит не упасть
кислорода ей не хватает
или просто без тела она
явственным хрипом удушья
зазвенела людская струна
отыграли семейные роли
второй акт режиссер облажал
там должны были спьяну актеры
с чемоданами дуть на вокзал
поезд ехал к Сизифу Кадмону
в идиллический ад не под стать
камнем сбило по шпалам и вон он
остается с любой переспать
это точка еще одна точка
запятая и выйдет плясать
человечек последний и дочка
слишком маленький чтоб убежать
папа что это мячик иль солнце
на дороге забитый богами?
голова дочка хочешь дотронься
голова другом будь расскажи
что за сквозью случилося с нами?
почему ты молчишь почему ты играешь
только музыку слезы стихи?
тише тише малышка сломаешь
дядю Бога в кусты отнеси
чтобы кто-нибудь дяде Богу
на его челореп не ступил
тут кончается сквозь мы с тобою
насквозили в эпоху сходить

вместо нас в место наше с любовью
стих читать песни петь слезы лить
стих пропеть песню лить слезы чтить
стих про твердь песнь про смерть
смех про всех всех на смех
нам насквозь римский воин тщедушный
вырвал с мясом из тела успех
я люблю тебя дочка послушай
папу папа с тобой пока здесь

в осенний лед сковало наш источник
где по весне тот город что внизу
казал свое нутро изнанкой апейрона
порядок синей дымки и белый строй домов
источник говорил рождал слова и ныне
тончайшим слоем льда поднялся донный ил
без вздоха без крика без стона
в слова игра ушла остались прятки скорби
играет камень в круг и вертится юла
слова Эллады тут оживших осветленных
спроваживают в путь туда куда
где нет и да
молчанье слов дает слова
мычанье слов дает слова
и та что не дает себя дает опять
слова слова
болтаем болт резьбой чтоб саморезом в жизнь
вот первый снег ушел с земли обратно ввысь

не выдернуть нет силы наживую
и если кто из нас посмеет оступиться
отпустим его вмиг иди же бедный кто
туда куда где нет ни да
да он не протестует
и каждый из нас не туда ли стремится
туда где рождаются под слоем льда
немогущие вырваться на воздух
погрязшие в придонном хладе грязи
впервые несказанные слова
когда мы позабыли между прочих
зачем пророчая пророчим
речь что одна всего одна
раскручена юла аккумулятор полон
смотри смотри под лед
ушел
не спрашивай зачем он

ПОЗВОНАРЬ

усложняю правила
отрываю голову
и играю в шахматы
прямо без нее

примите е
примите два
примите е
примите четыре
подонки ждущие
мира во всем мире
у вас за пазухой камень
у меня нет пазухи
я без головы

и бежит по венам
золотая пена
та
что бьет наружу
разрывая путы неумелых рук
та
что днем уснула
в
здравствуй сон
нырнула
и исчезла
в нем

я смотрю как в унитаз
любая
смотрит жизнь
раз
я смотрю как у окна
нет тепла и той
что меня в окне ждала
два
я смотрю как у весны
руки стерты до крови
ей беспечная зима
стирку чувств передала
навсегда

ой люли ой люли
вот теперь сиди
и три
три
три
три

девять

ты хочешь
любовь проверить
жаждешь

в любовь поверить
за ноги ее схватить
и об угол стукнуть

три
я смотрю и вижу ад
вот они

и шах
и мат
в безупречном сюртуке
алый есть воротничок

на игру

без головы
заглянул бог

там где нет ее совсем
там и бог
не плох

XXII. Вязь

в воскресенье дождя небо обрушило
под свои облака неотвеченным вызовом
бессильное
бога нельзя
и стала бессвязною грязью земля
и понятно
глядя как рядом ты
и зная
что ты далеко
каплями в мозг вплавляясь
мир начинает сходить
туда где он прежде не был
откуда его больше нет
я заберу у тебя
то что тебе не нужно
оставив душу во тьме
и тело вмещенное в свет
у тебя исчезнет лишь
внешность
которой тебя одаряли
ангелы Мали и Кали
    дети в раю их так звали
    а здесь под небом едва ли
они на днях умирали
и мне ее завещали
скажешь бесчестно
пожалуй и так
соглашусь
воскресенье дождя каплями бьет по лицу
землю которая грязь
и назавтра вступает в наследство
наших иллюзий
сплетенных и сбитых
без нитей интимных
гвоздей твердоспорных
    не подумай лишнего
    не думаю лишнего
    а только как существуешь
вязь

XXIII. Сметные короли

К замшелости лица любимой кем-то шлюхи
пришла пора добавить каких-то три штриха.
Вот грудь чудесная, в упругость сбыты муки –
но не греха к поэту возради там
услышанным желаньем быть стиха,
лицо замшелое умой свое, умой моим умищем,
умой Пилата жеста обожаньем.
О, умовенье рук, лица и головы!
И снова грудь такая, испытующе страханье…

Вот рожа к радости стремлюсь я,
вновь уличенье заносящий в дом,
который покидает провиденье – бесплотное и бледное,
домовье в улицу несущее притом.
Вот и умоище постельное евлёно
и радость истеричку может испугнуть,
какую-то любовьку из пистона,
которой даже в небо не стрельнуть,
а только пистонуть, и пискнуть в поднебесье:
рассмех уже настал. Срывайся же в тварях.
Я буду ждать тебя.
Пока еще не весь я,
в замшелости лица,
на первых встречных сметных королях.

слова молчат и говорит
лишь тот кто их речет
лепечет выплавляет
терзает заикает
выбраковывая
в смысл
и мысль по смыслу
в слов безмолвье
сползает истекает высыхает
болото речи из немых немытых
слов
в нем плещутся
лягушки панды волки
и мнения и кривд прямых осколки
и правд кривых пути
идти туда
идти
бежать тонуть уснуть забыть заткнуться
в велеречивое болото красноречья
плевать сначала
а затем нырнуть и с головой чтоб
окунуться
вел*и*ка речь того кто говорит словами
что немы
он говорит
не мы
откуда здесь возьмется речь
лишь тишиной увлечь в свою постель
ее
согреть раздеть налить
и убежать
а что еще с ней делать
в каких с ней взрослых поиграть
она на все готова
и что вложить в нее
как есть
сказать
намеком показать
без совести
без повести и без романа даже
что ей такой
желанной и желающей
покажет
и без намека напрямую
что ей скажет
немая прорва слов
и я хочу ее

любить творить писать
и я на все готов
слова молчат
в их шуме
речь бессловесна
нам вместе с нею в лучшем из возможных
тесно
и наше с нею да в лицо отцу
ошибкой было перед богом
иду в развод веду в расход
слов тишину
их много
до самого порока

ставить свою жизнь в зависимость от тех загадок
которые раскрыть может одна только
интуиция
глупая и безнадежная
уничтожающая возможность остаться в живых
традиция
и тем не менее изредка
она заявляет о себе в откровении творчества
снова и снова
безумное молчание погружает мир вокруг шума
в круге шума
жди
намеченное в планах светом разума
тем же светом разума бросай в огонь от света разума
жги
и знаешь
что может не объявиться
выпасть
как говорится
из редких традиций
молчание откровенной интуиции
открывающей и вспоровшей
круг шума мира
в квадрат
интуитивное молчание там
где интуиция решает жизнь
квадратный корень из круга или круг пополам
это называется кажется
молчания
ад
или вот
писклявый урод
ромб
в любом случае
это не тот совершенный круг
выпаденье из круга
вставанье в редкую традицию
где нет ни одного
до
и ни одного
после
очень редкая прямо скажем традиция
здравствуй же интуиция
главное будь рядом
а я без тебя аккуратно буду подыхать
не мешая
где-то возле

в недопустимой близости интимной
смердеет затухший свет разума
и пока еще не зарыли в книгу и не забили обложку
свежестью веет
или кажется что веет
какая теперь там разница
откуда-то сверху или
если перевернуться
снизу
уже не душа даже усмехается
а всё остальное молчит
и все остальные молчат
это называется кажется
монолога обращенного к миру бога
ад

XXVI. Позвоночник

Уперся в потолок
а ниже все кричат: повыше, эй, повыше
и голова ломается а позвоночник рвет
рифленую и жестяную крышу
круша антенн ряды и изумляя птах:
я умер кажется но черт возьми я наконец-то в небесах
они остались снизу и даже неба там
они не видят

и позвоночник столб для них
всего лишь точка в шершавом потолке
где мозг размазан и стекает вниз
вороны террористы ну, давайте
взрывайте
не смолкайте в этом оре
пусть будут беспорядки преступленья как паузы
в призывах пьяных хиппи написанных мальчишкой
на заборе

пусть воробьи трусливые напрыгивают ужас
на вас свидетелей тупого вознесенья
которым размозжился вознесенный
порядки подрывать позвольте
в тех паузах мгновеньях
тишины

вопрос ваш харкающий карком не услышать
коль то что делаете вы на крыше преступленье
то кто ж установил порядок этот
молчаньем тех оставшихся внизу
признанье утомленное порядка
своим крылатым хамством
на головы собакам и прохожим смеясь швыряли вниз

я не хотел туда и вовсе не нарочно
но даже и теперь я больше не хочу
не слушаю не знаю или жду
всего лишь тихий шепот
который не услышать
когда близка так крыша и все кричат повыше
который не услышать
вернись же
эй
вернись

XXVII. Розы

Каждое утро срезайте мне розу,
которая не распустилась, -
так, чтобы этот красивый бутон
не чувствовал боль от ножа,
чтобы не смог он заметить различий,
вазой сменивши землю:
я буду сам его распускать,
пусть мне одному внемлит.
В течение дня – обрыванье шипов
с моей молодой розы…
Пусть будет на ней их тринадцать -
по часу на каждый и сон.
А коли их больше - так что же!
Я не посплю, побеседую с розой –
красивой маленькой розой,
пред тем как отправить ее на свалку –
пообрываю шипы. И снова все тот же. Сон:
Младую, красивую, почти еще не,
обещающую наслажденье,
раз в неделю ломайте, прижимая ногой к земле:
утром, на воскресенье.
Мне шести до субботы их хватит:
шесть маленьких, шесть бессмысленных жизней.
Вполне.
Шесть ничтожеств прекрасного, убитых ножом
в вазочке по одному – ни для кого – мне.
Я ненавижу розы. Они меня жесточат.
Срезайте младые побеги.
Не дайте им распускаться,
иначе они завоняют:
расстрела садовника не проговорят.
Но обязательно расстреляют.
А пока – несите мне розы,
по одной розе
в день;
пусть расточают надежды,
не замечая подмены,
пусть расточают надежды
и замечают подмены,
не питают надежд, питая надежды
маленькие красоты,
раскормившие жирных надежд –
не замечая мёртвость –

розы
которых
нет.

XXVIII. Патрон

**Каждый день с утра мне выдают один патрон,
чтобы я стрелял в эту мерзкую рожу,
а потом,
садясь на коробку картонную от одного патрона
съезжаю по скользкому склону из слизи туда,
где ралагаясь мироточит преданность,
где моя неволшебная сатана.**

**Во исполненье ненужного долга
в раскидистых кронах лета,
где кости торчат из стога.
Там льется мелодия грубого голоса
эхом отражаясь в мерцанье скелета.**

**Завороженные птицы моргают глазея,
черви из клювов свесились удавками красных телес.
Иду туда, где дышать тяжело от комариного воздуха.
Ни один из комаров не был убит,
но каждый много раз ежевоскрес.**

**Я не могу так больше, это уже невыносимо,
волнами шуршит песок от сандалий.
Когда они гладят меня по земле,
у меня чешется сердце.
И еще мне надо возвращаться обратно,
меня о том любящая Эвридика когда-то просила.
Каждая ее просьба остается в моей силе.
Падаю в беспамятстве где угодно
неволшебной саге о ней.**

**Просыпаюсь,
дышу свободно,
пока не понимаю
где.
Липкий, мокрый,
облеплен мошкарой кошмаров ночных,
не могу вставать,
не могу не вставать.
Встаю, курю,
выпиваю чашку вареного кофе,
курю и иду на склад боеприпасов
свой ежедневный патрон получать.**

XXIX. Холодная гречиха

А у тех, что идут за мною
уста уже впечатлены молчаньем,
просеивают сквозь губы книги
рядом —
гора в ожиданье;
ищут горчичные зерна, хотя бы одно, одну.
Гора вещь большая — зерна не увидеть:
кого же достанет равнина,
зерно попадется кому?
Просеянных слов мириады —
валяет их ветер, что сеет,
извалявшись в грязи подножной,
полем перекати едут в южные страны.
А я ухожу на север.
Здесь — уже. Другая история.
Други мои к ней не поспели.
пусть праздничным будет застолье,
в котором меня потеряли так быстро,
что даже — ещё.
Не отпели,
не отголосили,
не отмуштровали,
не отобъяснили,
не оттолковали.
Книгам привет, поцелуй в переплет —
прямо под кожу, где клеем страница
до ветра хранила и ветром хранится,
прямо туда — языком.
А я попытаюсь молчаньем
слова целовать прямо с приставок
и до окончаний. Слова целовать.
И в этих холодных странах
постигну последнюю тайну
и приручу
последнего книжного зверя:
молчанье заставлю молчать.
За книгами вряд ли кто-то уже придет —
за полярным молчаньем скрывает
ветер гречичный мёд
и ласково ластится твердь огромной горы,
подступает.
И плавит свой каменный лёд.
Молчанье сладко вздыхает.
В молчанье молчанье
мрёт

XXX. Рифмы

там рифы рифм к которым не зовут
голосный хор закусан языками
до гибели тибетского мерцанья

Сказал. Их оставляю
теперь.
Не доплывут,
забывши букв кривые письмена;
их золота никчемные пере-
-плавы сбывают.
Матрос юдоли пристарной,
стан скарбный восстенав:
пусти! Пусть тянут пустоту —
такую вязкую, елейную, спиртную.
Дух нынче заберет в постель еще одну,
вчерашний хлеб в вине обретшую.
Живую.
Исходный посох взяв,
в пороках пыль Сандалий составляет.
На завтрак будет смоль морских ракушек,
смех,
которым
смертный Вакх навеки
объедаем.
И первый раз мне больно так ходить,
касаясь мозгом
воспаления асфальта:
мне грубую добыли нынче роль —
оповещенье первому, что он теперь. Девятый.
Пусть горний хрип случается собакой,
окажется зеркальным
кардинал.
Алисой девочку сегодня целовал,
усатым ртом —
от имени щербатый:
Молчать!
Молчать!
— Тем паче канитель крепит верховье основаньем капители…
Сирены воют: расступитесь войны.
И пробкою, назад, плывет весланье скал,
которые нароком волноваты.

XXXI. Первым сентября

я могу писать о тебе
хоть бы в третьем лице
даже в пятом
во втором ты была моей
в первом я был твоим когда-то
по идее к тебе иду
и топчу ее в грязь тетради
и скольжу по ней как по льду
по идее иду чего ради
не впускаю к себе никого
и никто ко мне не приходит
ты лишь ты тот никто
лишь тебя не пускаю к себе
а других как собак как крыс
и животных в этом же роде
на остриженный волос дождь
зарядил и стреляет не целясь
как на празднике шут шутил
а король королил принцессе
а она глупая дура
все грустила шуту королю
я ее не люблю нисколько
дождь идет
по расколотому трещиной холода
что меж нами теперь стеклу

взор вздорной вязью вьёт
непрерывную
грязную
тряпку
реальности
черпает с удивлением горстями
с той мрачной дымки
что была когда-то небом
черпает черепом и без улыбки
пьёт
и клонит в сон головокружьем дня
меня
назавтра снова не сказать ни слова
б.у. отверзлась благодать
нельзя упасть
нельзя стоять
смеяться
нет
нет
плакать
призывной мерзостью осенней
трепещет мертвых стать
полей
чего еще
как
не молчать
взор вдруг возможностью проник
увидеть среди грязи
увидеть
да
не божий лик
всего лишь чью-то руку
лежащую на той
такой же рядом с нею
видение подобного срывает
возможность оставаться
и в экстазе
и даже если к смерти взор еще успеет
успеет точно
можно не стараться
и даже если к смерти взор еще успеет
куда ж ему полуослепшему
деваться
и даже если к смерти взор еще успеет
небесная вода сточила
в промозглом черепе дыру

в нее стучался бог
а тот кто был внутри
сказал мне
чрез нее я тотчас же уйду
ушел не обманул
а если и остался
то тотчас же
уйдет
и что той тряпкой утирали мы
с небес сочившуюся кровь Христа
вьёр взярной вдорью взот

о досок вкрапления зелень
прорвет корневища и взмоет
водой подземелий родник и колодец
бессветная мощь поколебленной жизни
где нет продвиженья душистого
как будто один в середине
ты будешь без всех в этом доме
где даже твой смех лишь бессилье
и даже не ты просто имя –

гранита нетленно врезанье

XXXIV. Узоры осени

бог изменился мир остался тем же
он складывал в узоры смысл
он обретал в причудливых узорах
узор порока и порок узоров
которой становилась божья мысль
и еще осень ветры завывала
и бегали меж ног щенками снега падал
он ожидал побега он желал побега
чтоб убежать взметнуться кроной ввысь
и прозябать от века к веку от брови к брови
но нет уж пса опять все та же рысь
и он ей брысь и снова за узоры
мохнатая все не уходит
и там где смыслы вздоры вздоры вздоры
и он рисует их а бог меняет кожу
заместо рысьей богову опять
узоры в тупике от них бумага плачет
и скачет скачут нити он с нитями скачет
с сетями ловит человеков души
а попадаются опять гнилые и распухшие
не человечьи туши и душат безвоздушно узко
осталась плоть и изменился бог
а мир остался весь в осенней стуже

на остатках событий следы тех зубов
которыми в них вгрызался
чтобы найти в них сахар
или хотя бы соль
но находил пустоты голода и потерь
голодом я питался и насыщался зверь
и убирался в чащу пряча в берлогу
вязанки потерь
их уже слишком их чересчур уже много
не закрыть из-за них в берлогу
свою даже дверь не то что чужую поверь
и каждый теперь без стука с улыбкой
или же с камнем в гости ко мне согрей
событий больше и больше
но все голодней голодней
не дохнет никак от сытости
голодом вскормленный зверь

XXXVI. Рождество

То не руки мои, руки смерти,
что под кожей этой таится,
вырвать наружу память стремится
о белого цвета костях.
Об алых, зеленых и синих
под кожей скрытых цветах.
Стремится рассечь эту кожу
смерть не своею рукой:
беспомощно водит и водит
и не находит покой

XXXVII. Поеданье сыра

В срезе нежного сыра
укуса
явился лик Марселя Пруста
который пил чай
с печеньем Мадлен
разрывая любовью узы памяти
покидая Комбре
в гастрономический
плен

В явлении ликов
Ницше Барбаросса
и целая плеяда усачей
нет
невозможно поеданье сыра
сливается сетью вопросов
физических и умственных вождей
но подлость плавленого сыра ядовита
искусству псевдо отворотен поворот:
производители его
Дали не дали
не вышед быть в миру
из сыра
Сальвадор

XXXVIII. Кстати

Скажи ему, что я его люблю
как он тебя пристрастно ненавидит.
Скажи ему, что души видит бог,
но дьявол тоже, тоже души видит.
И пусть тогда он будет нестерпим,
своею ссорой жизнь в кулак вбирая,
он имя мое помнить запретит —
как я тебя с другою забываю.

Но даже тут, среди слепых ветров,
в холодном лета плачущем изгибе,
худое станет протеченьем наших снов,
где мы с тобой как ангелы красивы,
как дети веселы, мгновенно прыгнем в плач,
и силы ног лихих не соизмерив,
останемся на дне страстей людских лежать.
Он не заплачет.
Как не плачут звери.

Вот ты и я. Носами греем дно
и тремся оземь как в грозу деревья.
Пусть наших душ не разглядит их бог,
но дьявол тоже душ тех не узреет.
У нас их нет, тебе так скажет он,
и грубо, разом, разрывает твое платье.
Сегодня ты уходишь с ним вдвоем,
чтоб нежностью души испачкать гроб кровати.

Я нахожу себя в чужом вине
с шальною и бездушною.
В разврате.
У вас нет душ — сказал священник мне.
С тобой мы тоньше, чем угольное ушко.
Но лишь оно для бога будет кстати.

XXXIX. Тризна

ангел берет за руку и ведет по осеннему парку
где голуби были рады видеть его с утра
отпадает надобность в памяти
откажись от отца и матери
а там наверху на втором
мертвые пусть друг другом прячутся
за всеобщим пустым понятием
под которым их виды значатся
когда соберутся вдвоем или втроем
ангел ведет за руку она у него холодная
но теплые губы ангела под сердце не сножат проклятием
не настилают истин жестоких шипы
когда был не ангел другая с кем-то мне чуждым на ты
а в ушах этих ты
схоластика и патристика
экзегетика и догматика
к слову апологетика
теодицеи цвет
апофасис метафор и
пошлостей катафасисный в ступор
вводящий божественный бред

на улицы вышли голуби мы их не видели ни одного
новые голуби и живые в цветах на шее
но голуби суть посланники такие же как и ангел он
держащий за руку ангельский непробуждения сон
блуждающий блуда люд из крови вино
безветрие тишиной скребется в их на втором окно
мы будем налево и прямо с ангелом этим идти
обманывать города сеть ложью искать в лабиринте
чуждые им пути чтобы по ним не успеть
туда где звоном коньячным звенят
экзистенция и эссенция
акциденций мелькающих лики
разделенных субстанций причины
в тринитарных костях ипостасей

ангел устал он лежит на кровати рука его стала теплей
в келью безумства чужого искусства умного правда
чтоб им всем стало пусто от смеха улыбок до
позвоночного хруста

в безангельской ночи холод быстрей чем посланники ада
которым уже не надо
ни времени ни пространства
ни быть собой ни другим казаться
без онтологий без гносеологий

без этик эстетик и физик
на пустой и призрачной тризне

ангел их всех не слышит в предел безысходности шаг
божества
лишь грусть и чуть-чуть болит голова
а там на втором слова пустые слова Минервы сова

XL. Хозяйская забота

приходите ко мне ангелы
я вас хлебом святым накормлю
и вином вас святым напою
я вам песню святую спою
а в той песне слова
будто в поле трава
вся кругом невпопад
и на солнце прорастет
и от солнца гибнет
она
прилетайте поутру

приходите ко мне демоны
мы устроим празднество
вам отрадно встретить всех
тех что у меня
я вас водкой напою
и плотским грехом накормлю
и я песню вам спою
а в той песне слова
как под травами земля
черная сочная святая порочная
вперемешку ссыпанная
живая стена
приползайте засветло

приходи ко мне и ты бог
я сюрприз для тебя приберег
гости ждут тебя мои давно
и все пялятся взаимной злобой в окно
я тебя прохладой окроплю
и неведомых мелодий напою
под мелодией слагаются слова
что на поле и земля есть и трава
все завязаны на солнечном тепле
и рождаются и гибнут по тебе
травы земли все они чисты
разложение и радость там где ты
объявися ввечеру

под судебный гул ропочущих гостей
убегу из дома с песней на устах
за порогом ночь за пороком свет
напевают неизвестные слова
в тьме ночи не видно поля
в мраке сгинули и травы и земля

если будет тяжело тебе боже
выходи на песнь ночную
в беспробудность черного обличья
и оставь гостей хмельных веселиться
здесь покой прибережен
для тебя

XLI. Холст зимы

Если будет когда-нибудь лучше чем было
значит плохо спалось по утру
значит скверно под вечер кормила
значит вяло ночью любила
и разбавленной сладостью боли
всё* меняла *хочу* на *могу

А на день оставались угрозы
исполнения намеченных детских
но оставленных взрослыми втуне
пожеланий хоть кем-нибудь стать
исполнялись желанья на го́ре
и ставали как и хотели
не собой как намечено небом
а *хоть кем-то*
и ставали так крепко так прочно
что уже не в свою тень не впасть

Но и к вечеру ум воспаленный
пламенеющий красным огарком
все чадит выдавая за чадо
свой изъедливый дышащий смрад
завтра будет сегодня же спится
снова с той что на ночь накормит
может быть и не вяло полюбит
и напоит настойкою боли
может быть говорю
может быть утверждаю
но во рту застревает ненужным
неуместное *никогда*

Что ж бывало и хуже бывало
удивит неприятно иное
ты хоть раз эту нежную кожу
с себя лезвием струнных нервов
хоть бы раз с руки и с лица
без надежды одеть чтоб назад
ты ее хоть бы раз *срезала*
без одежды чтоб красная плоть
все пульсируя и утихая
кровью дрожью любовью теплом
мир вокруг грязных рук одаряла

Твой ответ будет нет я знаю
а пока пойдем выпьем чаю
мои струны сегодня наружу
это значит стирать простыни

и на бинт разрывать одеяло
изливая краски рассвета
(какого-то лета из детства)
на бесцветный готовый к приятью
холст (какой-то взрослой) зимы

XLII. Шесть

1.
мы услышали
что сказали
друг другу
наши уста
мы увидели
как посмотрели
друг на друга
наши глаза
и мы ничего не познали
кроме
друг друга
скука

2.
мое участие
в твоей хромой судьбе
бесполое
и глупое созданье
оно умрет чуть раньше
чем сознанье
чем замечу
или
встречу
на прощанье
оно желает
подарить
тебе

XLIII. Снега

шокированный бог
и третий
всегда будет
тем озверевшим криком
что заплутал на свет
мне кажется
я улыбаюсь
или мне вспороли горло
твоим тупым настоящим
или моим иллюзорным
которого больше нет
твой взгляд устремлен на землю
где
под ногами
среди облаков
серебряный серп холодится
меж нами
а сверху земля нас давит
своим костным
что будет пухом
духом или же прахом
будет или забудет
сердечным молчаньем и стуком
кто нас повесил с тобою
за голову кверху ногами?
нет
никогда нигде
никто ничего
не будет
забудет иль не разбудит
страхом или же махом
единым или же многим
а впрочем
снова сначала от слова
до речи чтобы заткнуть
третьего
он же будет
тем кто сейчас выводит
Платона в рождение
снова
без дара
великого
малого
или даже никчемного
слова

XLIV. Вторые снега

снег должен быть первым
но он не хотел
а кроме него
никто
или ничто
разница есть
а снега нет
все равно
и заметают
и метят поля
в сноски грязью
под землю
вскользая
совсем не белые
вторые
снега
сразу весной
в беззимних шагах
ступая

XLV. ЯД

Девочка из Сургута купила себе новое платье
чувствует себя женщиной и делает салат
мужчина из Саратова по лицу себя гладит
вздыхает и понимает: он во всех виноват
девочка из Сургута собирается ехать в Питер
у нее был друг там до прошлого лета — и нет
мужчина из Саратова смотрит глазами пустыми
и видит в девочке из Сургута потерянный свет
девочка из Сургута умеет держать планку бреда
и получать от этого художественное удовольствие
она уже представляет как покупает в кассе билеты
и бежит прямо с Московского вокзала к друзьям в гости
мужчина из Саратова никогда так отменно не бредил
и потому немного печально ему и темно
когда он заходит в ветеринарную аптеку
между прочим — худшее место на свете
и просит крысиного яда убить тварь что достала его
и мучает очень давно
и тварь умирая купившись на глупые яды
даже подобье улыбки ни намека на зверский испуг
и тварь умирая с мужчиной из желтого города-сада
слышит гудков позывные поезда в Санкт-Петербург

и чем дольше он шел по пути очищенья
тем паскуднее было идти
тем все большие большие комья грязи
тех кто шел по пути очищения ране
прилипали к нему на пути
лес начального лета изустно
украшал узорами слов почву
в которой людьми ползали черви
так деловито и всё между прочих
мы с тобою и есть искусство
говорит она и ложится на землю
выдержать время в ручье травам отдать весь избыток

она улыбнувшись
мы где?
и почему всё открыто?
невыучка детства к простору приказ улыбанья стенам

она закрывает глаза он спрашивает
ты куда?
она отвечает с земли
я никуда но я скоро

как путь очищения справа он остается один
возле нее
сам

ПАРАДИГМЫ

По тому,
как быстро ты исцелишься от раны,
нанесённой расставанием со мной
я узнаю, в итоге, насколько был тобою любим –
то, что мечтал знать и знание чего
от меня непременно ускользало –
но мне будет тогда уже
всё равно.

И поэтому мне сейчас уже всё равно,
даже до того как
мы скажем друг другу
пока.

Я понимаю, что так – нельзя, но
никто не учил меня как можно
как можно…
желая узнать как можно я
узнаю только всегда лишь как нельзя
на собственной шкуре.

Но оно – как нельзя –
мне уже неинтересно когда я его совершил,
а потому как нельзя мне неинтересно –
уже до того, как я его совершил,
мне в нём изначально тесно,
и, возможно, именно поэтому я его совершаю.

И ты говоришь мне, что я = негодяй, я с этим согласен,
но только лишь
потому, что ты не видишь,
что я не хотел как нельзя, а стремился к как можно
как можно…
если же бы ты знала это,
мы бы сейчас говорили друг другу
не пока, негодяй, так нельзя

но:

люблю, годяй, так можно.

Так – можно.

XLVIII. Шарль Бодлер

Возле церкви Сен-Лу, не в осеннем Париже
У ступеней, ведущих в алтарь,
Сумрачный вечер гулять праздно вышел —
Его в гости зазвал звонарь.

Вечер я узнал по штиблетам,
Что тогда тот бахвальски носил…
И спросил Вас: Вы помните — летом
К нам такой же, как он, заходил?

Но уста Ваши звали молчаньем
Прогнать вечер осенний в ночь.
Страсть и гибель — два слова. Признанье
Вы шепнули — он выбежал прочь
И, покинув город, со злобой,
Прочь шагал деревенской дорогой.

XLIX. Фридрих Гёльдерлин

Вновь осенью мне облик Диотимы милой милей
Младых побегов, коих в таинстве весны
Скрывает ото взора дерзкого земля
В прозрачном солнечном
В туманном пасмурном воздушии полей;
Спешу я к ней, чтоб одарила радостью меня.

Приму надежду странницы из рук ее горящих
Но опасаюсь пламя угасить —
В усталость лета жар ушел палящий.

Осенней радости, неведомой Элладе,
Теперь тут быть.

L. Райнер Мария Рильке

Предстало всё, помимо бледной маски
Скрывающей того, кто маскою сокрыт —
Порочный круг. И зеркало не скажет
Слов имена. Лишь тишиной молчит.

В молчанье зеркала – отсутствие пророков…
Поверить в Бога, коли Бог тот не явлен?
Вы видите – рука иного бога
Коснулась Ваших дрогнувших колен?

Безумствуем. Кладем на счёт заклятье
И терпим, ждём трубы последней плач,
Но в отражении зеркал глядит опять молчанье…
Вы плачете? Пора бы перестать.

Пора пришла. Мы распускаем рук узлы
Друг другу в добрый путь. Под маскою зеркал —

[Железные листы, увы. И Божества отсутствия оскал]

ВОЗВРАЩЕНИЕ

LI. Возвращение

1.
Подождём еще немного, самую-самую чуть,
пока у каждого из нас о себе остаются такие тайны,
к которым даже себя мы приобщить не в силах —
без того, чтобы после инициации такой
себя не убить тут же:
совсем недолго.

2.
И затем ты уже замечаешь,
что собственно некуда тебе возвращаться,
что всегда были тайны-уроды,
что с этим дано было жить,
и как-то мерцает свет
перед тобой
в этот момент;
господь так творил эту землю;
печаль в мысли господа ты узрел изнутри —
только в этот момент
в зеркало не смотри.

3.
Полагаю на мир оглядку
не такую - с презрением будто,
а такую будто мир тот тайна
или, как говорят, когда нечего больше сказать:
будто мир этот загадка.

4.
Я видел так как будто лунный свет
мне озарял Рождественскую полночь,
и будто бог, какого в мире нет,
писал в уме: иду тебе на помощь.

5.
Теперь ребеночка с пепелища на шее своей унеси —
даже если тебе он противен, не нужен,
если тебе самому быстрее отсюда надо бежать,
даже если гнетет тучей проклятье
и вороном тлен людской кружит:
зачем оставлять в живых это дитя
не тебе к счастью решать.

6.
Сестра, подруга: она может идти
не держу никого, на выдохе можно жить
почти не глохнув от стука сердца одного
что своё. Но куда ведет путь потерявший,
потерявший беспечность?

7.
Золотым песком дни оседают на дно,
ночь говорит: дно каменисто;
мелодией кочек камень в окно
в котором икона Девы Пречистой.
Хрипеть от узнанья того, что нельзя
сказать даже брату и именно брату –
когда-то мы были с тобою друзья
Господь одарил меня тайной своею:
ничего того не было, никакого когда-то.
Стираю имя твоё на скамье. Успею стереть.
Успею.

“Лолита в Греции”:
I. **Последний трагик Эллады**
Олимпирика
II. **Месье** Nabokoff
III. **Восторг**
IV. **Львы**
V. **Пасынки мифа**
VI. **<Лакуны>**
VII. **Словоубийца**
VIII. **Постель богов**
IX. **Аризона**
X. **Эдипова мама**
XI. **Эвридика**
XII. **Белоснежка**
XIII. **Декаданс**
XIV. **Италия**
XV. **Представление**
XVI. **Руно Атлантиды**
XVII. **Катакомбы**
XVIII. **Маркиз Гериберт фон Вильмен**
XIX. **Насквозь**
XX. **Последние**
Позвонарь
XXI. **Весна священная**
XXII. **Вязь**
XXIII. **Сметные короли**
XXIV. **Обречённые**
XXV. **Интуиция**
XXVI. **Позвоночник**
XXVII. **Розы**
XXVIII. **Патрон**
XXIX. **Холодная гречиха**
XXX. **Рифмы**
XXXI. **Первым сентября**
XXXII. **Осень**
XXXIII. **Родник и колодец**
XXXIV. **Узоры осени**
XXXV. **Рождество**
XXXVI. **Берлога**
XXXVII. **Поеданье сыра**
XXXVIII. **Кстати**
XXXIX. **Тризна**
XL. **Хозяйская заботы**
XLI. **Холст зимы**
XLII. **Шесть**
XLIII. **Снега**
XLIV. **Вторые снега**
XLV. **Яд**
XLVI. **Искусство**
Парадигмы
XLVII. **Марсель Пруст**
XLVIII. **Шарль Бодлер**
XLIX. **Фридрих Гёльдерлин**
L. **Райнер Мария Рильке**
Возвращение
LI. **Возвращение**